Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 184–192
Lomonosov Philology Journal, 2026, no. 5, pp. 184–192

«ЗАГАДОЧНОСТЬ ОБЛАКА». ОПЫТ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПОЭЗИИ КОНСТАНТЫ ИЛЬДЕФОНСА ГАЛЧИНСКОГО

Т.А. Пирусская

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; tapirus@inbox.ru

Аннотация: В статье анализируются переводы трех стихотворений польского поэта К.И. Галчинского (1905–1953), выполненные автором в рамках мастерской по художественному переводу с польского Creative Writing School. Участникам мастерской были предложены на выбор тексты, ранее не переводившиеся на русский язык. Высказываются общие соображения о трудностях перевода польской поэзии на русский язык, а также задачах, с которыми сталкивается переводчик, работающий над текстами Галчинского. С точки зрения художественного перевода рассматриваются стихотворения *W radio mają rację* («По радио правы»), *Szczecin* («Щецин») и *Satyra na bożą krówkę* («Сатира на божью коровку»), особенности их формы и интонации. Статья призвана внести практический вклад в проблематику перевода на русский язык польской поэзии в целом и поэзии К.И. Галчинского в частности.

Ключевые слова: К.И. Галчинский; польская поэзия; поэтический перевод; трудности перевода; ирония

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-16

Для цитирования: *Пирусская Т.А.* «Загадочность облака». Опыт перевода на русский язык поэзии Константы Ильдефонса Галчинского // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 184–192.

"AS ENIGMATIC AS A CLOUD." THE DIFFICULTIES OF TRANSLATING KONSTANTY ILDEFONS GAŁCZYŃSKI'S POETRY INTO RUSSIAN

Tatiana A. Pirusskaya

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; tapirus@inbox.ru

Abstract: The article analyzes the translations of three poems by the Polish poet Konstanty Ildefons Gałczyński (1905–1953), made by the author of the article in the framework of the workshop on literary translation from Polish organized by Creative Writing School (Moscow). The workshop participants were offered to choose from

© Пирусская Т.А., 2026

the texts that had not previously been translated into Russian. General considerations are expressed about the difficulties of translating Polish poetry into Russian, as well as the challenges faced by a translator working on Gałczyński's texts. The poems in question, *W radio mają rację*, *Szczecin* and *Satyra na bożą krówkę*, the peculiarities of their rhythmical form and intonation are considered from the point of view of literary translation. The article aims to make a practical contribution to the discussion on translating Polish poetry into Russian in general and K.I. Gałczyński's poetry in particular.

Keywords: Gałczyński; Polish poetry; poetic translation; difficulties of translation; irony

For citation: Pirusskaya T.A. (2026) "As Enigmatic as a Cloud." The Difficulties of Translating Konstanty Ildefons Gałczyński's Poetry into Russian. *Lomonosov Philology Journal,* no. 5, pp. 184–192.

О трудностях стихотворного перевода написано много, причем при переводе с одного славянского языка на другой трудности не уходят, ведь, не говоря уже о том, что, как заметил однажды Бродский, «другой язык, будь он трижды славянский, это прежде всего другая психология» [Гордин 1997: 66], это еще и другой фонологический строй. Особенности передачи ритма, размера, рифмы неоднократно становились предметом дискуссии среди теоретиков и практиков поэтического перевода. Если одни полагают, что необходимо в точности воспроизводить размер подлинника, чтобы сохранить, по выражению М.Л. Гаспарова, «семантический ореол метра» [Гаспаров 2012], т. е. коннотации, присущие стихотворному размеру в данной культуре, то другие стараются подыскать «размер с такими же функциями в литературной традиции переводчика», руководствуясь тем, что Г.А. Шенгели назвал «принципом функционального подобия» [Азов 2013: 90–91].

При переводе польской поэзии трудности такого рода вызваны и собственно языковыми различиями. В польском языке, как известно, ударение в большинстве случаев падает на предпоследний слог, что обусловливает специфику звучания польского стиха. Конечно, эту проблему можно решить с помощью односложных слов, но, как писал Юлиан Тувим, характеризуя свой опыт перевода на польский язык «Руслана и Людмилы»: «Ограниченное количество односложных слов в польском языке плюс постоянство польского ударения (на втором слоге от конца) — сущее наказание для переводчика. Тот, кто стремится верно передать ритм оригинала (а к этому надо стремиться всегда), как правило, сталкивается с невероятными затруднениями, и лишь с помощью головоломных вывертов, хитрых приемов, вольтов и выкрутасов удается довести постройку четверостишия до конца» [Тувим 2024]. Но если при необходимости

строго соблюсти размер переводчик почти неизбежно сталкивается с трудностями передачи польского силлабического стиха русской силлаботоникой и вопросом о частичной замене женских рифм мужскими (мужские рифмы, естественно, тоже присутствуют в польской поэзии, когда строка заканчивается односложным словом, но все же менее характерны для нее, чем для русского стиха), то при более свободной ритмике открывается больше возможностей сохранить звучание оригинала и вместе с тем сделать его естественным для русскоязычного читателя. Как отмечает, говоря о трудностях перевода современной польской поэзии, Е.В. Зимина, задача переводчика — «сохранить ритм, интонацию и графику оригинала так, чтобы, оставаясь польскими, они не звучали или не выглядели чужеродно на русском языке», и при этом адекватно передать смысл текста-источника [Зимина 2016: 213].

Настоящая статья написана в жанре своеобразного включенного наблюдения и представляет собой попытку автора отрефлексировать собственные переводческие решения. В статье мы рассмотрим переводы на русский язык трех стихотворений Константы Ильдефонса Галчинского (1905–1953), выполненные автором статьи в рамках курса Creative Writing School по художественному переводу с польского языка. Все три стихотворения, разные по ритмическому строю и интонации, ранее на русский язык не переводились, почему, собственно, и были (наряду с другими текстами польского поэта) предложены участникам семинара для работы. Переводчиком были выбраны стихотворения *W radio mają rację* («По радио правы»), *Szczecin* («Щецин») и *Satyra na bożą krówkę* («Сатира на божью коровку»), тексты которых вместе с переводами приводятся ниже.

Галчинский — поэт чрезвычайно самобытный в плане как ритма, так и интонации. Сочетание в его стихах лиризма и иронии способно сбить читателя (и переводчика!) с толку. В предисловии к сборнику стихов Галчинского Давид Самойлов заметил: «В Галчинском загадочность облака. Нельзя предвидеть, какие очертания примет его стих» [Самойлов 1967: 3]. Этой непредсказуемости интонации зачастую сопутствует такая же ритмическая свобода: многие стихи Галчинского звучат разговорно, перед нами словно размышление вслух, немного сбивчивое, ничем не скованное. Тот же Самойлов писал: «Ставили в тупик его [Галчинского] стихи. Что они? Юмор? Сатира? Философская или любовная лирика? Может быть, они небрежны? А может быть, это та предельная естественность формы, где не чувствуются усилия стиля?» [там же: 4]. И избранная Галчинским форма в самом деле «предельно естественна»: его герой как будто в задумчивости рассуждает сам с собой или приглашает к разговору читателя.

Здесь необходимо сделать важную оговорку. Лирическому герою Галчинского свойственно примерять разные, порой откровенно шутовские, маски, и Игорь Белов неслучайно сравнивает его с персонажем Зощенко, добавляя, впрочем: «…Но мы-то понимаем, что Зощенко — трагический писатель» [Белов 2024]. Галчинский, по собственному признанию, мечтавший стать фокусником [Самойлов 1967: 7] и известный своими мистификациями (в том числе тем, что на заседании студенческого литературного общества он выступил с обстоятельным рефератом о несуществующем английском поэте XV века), перенес эту склонность к маскараду и в поэзию. В его герое порой много нелепого, смехотворного, мещанского, но за этими чертами таятся грусть и нежность, и переводчику здесь необходимо выдержать баланс: не затушевать иронию, но и не допустить того, чтобы фарс поглотил лирические интонации, пусть даже едва уловимые.

Перейдем теперь собственно к анализу стихотворений и их переводов.

W radio mają rację	**По радио правы**
„Dla cie-e-e-bie, ukocha-a-a-na!"	«Для тебя-я-я, люби-и-имая!»
serenada —	серенада, —
mówi speaker	говорит диктор
i boli go ząb.	(зубы, что ли, у него болят).
A jednak dla ciebie, ukochana:	А все же для тебя, любимая,
i ten dom,	и этот дом,
i wieczór,	и вечер,
i klomb…	и сад…
Chciałem zamknąć radiu, chciałem uciec…	Мне бы выключить радио и наутек…
serenada! Och, lodu na głowę!	Серенада! Ох, к голове полотенце бы!
Lecz wplątała mnie nuta po nucie	Только нота за нотой вплетался поток
serenada w sprawy życiowe.	серенады в дела житейские.
I znów dobry jestem, bo… właściwie	Вот уж я и растаял — в сущности, ведь
o co chodzi? O życie, o trud —	речь о чем? Чтобы жить и работать.
więc — pokorny — znowu się nie dziwię,	Так и стоит ли удивляться впредь,
że są słowa takie do nut;	что такие слова к таким нотам.
że jest w życiu nieśmiertelny banał.	О банальность жизни неистребимая!
O, banale, w szale z ciebie kpiłem!	Чем смеяться, смирюсь виновато.
„To dla ciebie, dla ciebie, ukochana".	«Для тебя, для тебя, любимая».
W radio mają rację. A mówiłem…	По радио правы. А я-то…

Из рассматриваемых текстов это соединение лирического и комично-бытового особенно заметно в стихотворении *W radio mają rację*, начинающемся явной издевкой: герой нарочито растягивает

слова, передразнивая диктора, который, как ему кажется, завывает так, будто страдает от зубной боли. Но уже в следующей строфе интонация резко меняется — герой, призадумавшись, признает банальную правоту незатейливой серенады, а затем рефлексирует на этот счет: ему и неловко от собственной сентиментальности и «неистребимой банальности жизни», и в то же время он видит в них содержание жизни, которое так же нелепо отрицать, пусть оно и принимает формы звучащей по радио незамысловатой песенки или лозунга (к которому очень близко сочетание «O życie, o trud», переведенное как «Чтобы жить и работать»). Насколько свободна ритмика этого стихотворения, видно даже по его графическому облику и разной длине строк, и здесь, по словам Игоря Белова, для переводчика главное — не «приглаживать» Галчинского [Белов 2024], не уничтожить его разговорные интонации. Отметим, что здесь мужские рифмы присутствуют и в оригинале; само чередование женских и мужских рифм в переводе воспроизведено не один в один, но общий ритм удалось сохранить без особых смысловых потерь: вместо опять же работающей на комический эффект «клумбы» (как реалии более бытовой, ассоциируемой с уютом) появляется более возвышенно-романтический «сад», другие же замены («лед» в оригинале и «полотенце» в переводе) не влияют ни на смысл, ни на интонацию. Наибольшую трудность представляла при переводе строка «O, banale, w szale z ciebie kpiłem!». Галчинский повторяет слово *banał* дважды, чего не может себе позволить переводчик, учитывая, что русское «банальность» длиннее и гораздо хуже укладывается в ритм, так что это восклицание пришлось объединить с предыдущей строкой и иными средствами передать мысль героя, укоряющего себя в «безумии», которое побудило его обличать «банальность жизни». Впрочем, при этом отчасти удалось передать внутреннюю рифму (*banale — szale*) созвучием начальных согласных («смеяться — смирюсь»). Само это стихотворение — яркий пример присущего Галчинскому синтеза и переплетения разных интонаций. Примечательна и его кольцевая композиция: те же слова, которые герой в самом начале повторяет с насмешкой, копируя неумеренную высокопарность диктора, в конце он сам прозносит прочувствованно, хотя как будто и оправдываясь (и в том, что он сам впадает в эту банальность, и в том, что смел ее отрицать, — в этой двойственности весь Галчинский).

Satyra na bożą krówkę	**Сатира на божью коровку**
Po cholerę toto żyje?	На черта существует вот это?
Trudno powiedzieć, czy ma szyję,	То ли есть шея, то ли нету,
a bez szyi komu się przyda?	а без шеи кому оно нужно?

Pachnie toto jak dno beczki,
jakieś nóżki, jakieś kropeczki —
ohyda.

Człowiek zajęty niesłychanie,
a toto proszę, lezie po ścianie
i rozprasza uwagę człowieka;

bo człowiek chciałby się skoncentrować,
a ot, bożą krówkę obserwować
musi, a czas ucieka.

A secundo, szanowne panie,
jakim prawem w zimie na ścianie?!
Co innego latem, gdy kwitnie ogórek!

Bo latem to co innego:
każdy owad może tentego
i w ogóle.

Więc upraszam entomologów,
czyli badaczów owadzich nogów,
by się na tę sprawę rzucili z szałem.

I właśnie dlatego w Szczecinie,
gdzie mi czas pracowicie płynie,
satyrę na bożą krówkę napisałem.

Пахнет от него, как от затхлой бочки,
какие-то ножки, какие-то точки —
ужас.

Человек весь в делах и заботах,
а тут по стене ползет чего-то,
внимания, понимаешь ли, ждет;

человеку бы сосредоточиться,
но нет, разглядывай божью коровку,
даже если не хочется,
а время идет.

Минуточку, господа любезные,
по какому праву она зимой сюда залезла?!
Иное дело летом, когда на грядках левкои!

Летом ведь совсем другое дело,
каждая букашка летает смело —
ну и все такое.

А потому попрошу энтомоло́гов,
занятых изученьем букашечьих но́гов,
на сей предмет свою обратить сноровку.

Вот для чего я в Щецине, значит,
рабочее время даром трачу,
зато написал сатиру на божью коровку.

Второе стихотворение, *Satyra na bożą krówkę* («Сатира на божью коровку»), звучит еще более «по-зощенковски», и разглядеть в нем лирическое начало труднее. Перед нами, по сути, стихотворение «ни о чем»: все внимание героя поглощено случайно замеченной им на стене божьей коровкой и комичными рассуждениями о том, как она могла сюда попасть и зачем существует на свете. Сама речь героя очень неуклюжа, пересыпана местоимениями (*toto*, *jakieś*), и неловко, будто от нехватки слов, оборванными фразами. Еще более усиливает комизм риторическое обращение к несуществующим собеседникам (*szanowne panie*), в финале принимающим облик неких ученых энтомологов, к которым герой спешит обратиться за разъяснением поразившего его загадочного явления, отвлекающего его, как мы узнаём, от работы, — причем, что опять же очень характерно для Галчинского, последняя строфа как будто дает право поставить знак равенства между комически негодующим на несвоевременное появление божьей коровки героем и автором стихотворения, написавшим эту «сатиру» и действительно одно время жившим в Щецине. В этом стихотворении все несоразмерно-комично, на-

чиная уже с его жанрового определения: сатира — обличительный жанр, но «обличает» герой крошечное насекомое, отвлекшее его от работы. При этом, как ни парадоксально, вопреки видимому (и явно преувеличенному) отвращению, с которым он разлядывает божью коровку, герой как будто любуется ею, и за его зощенковскими интонациями проступает совершенно иное, трепетное отношение к мельчайшим явлениям бытия. Можно даже сказать, что они для него как раз тот «сор», из которого растут стихи, но эта чересчур возвышенная для лирического героя Галчинского мысль замаскирована неуклюжим многословием и нарочитым комизмом ситуации.

В этом стихотворении, что характерно для польской поэзии, все рифмы женские. И хотя, как справедливо замечает Игорь Белов, «стихотворение, целиком построенное на женских рифмах, для русского… уха звучит вяло и оставляет ощущение недосказанности» [Белов 2020], в данном случае эта недосказанность, незаконченность мысли как раз уместна, поэтому в переводе особенности рифмы почти полностью сохранены, равно как и сама схема рифмовки (*ааб ввб*), за исключением четвертой строфы, где ради сохранения смысла и рифмы появилась дополнительная строка. Больше всего затруднений вызвал цветущий в оригинале «огурец», который пришлось заменить на садовый цветок, чтобы не потерять милых сердцу героя бытовых деталей (вспомним «клумбу» из предыдущего стихотворения). Для усиления речевой характеристики героя переводчик пошел еще на одну вольность — рифму с нарочито неправильным ударением («энтомоло́гов — но́гов»), оправданную в данном случае, на мой взгляд, другими шероховатостями в речи героя, а главное, общей интонацией стихотворения, рассчитанной на комический эффект.

Szczecin	**Щецин**
Tutaj mój port, tu słońce mam na czole	Здесь моя гавань, солнце лижет щеки,
i dom, i sad, i kota — nie do wiary!	дом, кот, веранда — кто бы мог подумать!
Natalia na werandzie. Kira w szkole.	В саду Наталья. Кира на уроке.
A babci wchodzą sny pod okulary.	А к бабушке крадутся сны бесшумно.
Nad klombem ptaka cień przefrunął modry.	Над клумбой птичья тень порхнет, синея.
Grzmi w rękopisie moim epopeja.	В тетради эпопеи гул мятежный.
Dobrze mi tu. I wieje wiatr od Odry,	Здесь хорошо. И с Одры ветер веет,
odurzający i zwycięski jak nadzieja.	пьянящий и победный, как надежда.

Третье стихотворение, о котором пойдет речь, *Szczecin* («Щецин»), заметно выделяется в этом ряду и на фоне многих стихотворений Галчинского в целом. В нем отсутствует характерное для его поэзии ироническое передергивание: примечательно, что те же детали быта, которые в других текстах выдают мещанский характер героя и при-

дают его монологам комический оттенок, здесь перечислены без тени насмешки, любовно. «Дом», «сад», «кот», «клумба» не снижают общего тона стихотворения, а предстают как части окружающего поэта целостного гармоничного мира, каждая деталь которого ценна и каждой из которых он любуется. Природа, быт, семья и радость творчества складываются в идиллию, о которой лирический герой говорит очень просто: *Dobrze mi tu* — «[мне] здесь хорошо». Обращает на себя внимание и то, что стихотворение написано более строгим размером, чуть сбивающимся только в последней строке; он сохранен и в переводе. Главная потеря в русском тексте — яркий образ из первой строфы: *babci wchodzą sny pod okulary* — его пришлось передать более обобщенно. В остальном же изменения и перестановки минимальны.

Анализ трех стихотворений Галчинского и трудностей, сопряженных с их переводом на русский язык, показывает, что главная проблема в данном случае заключается, во-первых, в сохранении ритмики: ритм в поэзии Галчинского зачастую неровный и прихотливый, и его нельзя ни сглаживать, передавая более «правильными» размерами, ни нарушать. Во-вторых, важно передать характерное для поэта уникальное сочетание лиризма и иронии, не умаляя ни того, ни другого, уловить его подчас почти неуловимые интонации, не принимать на веру и не воспринимать буквально каждое слово лирического героя и быть готовым к тому, что стих Галчинского в любой момент может принять самые неожиданные очертания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азов А.Г.* Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013. 304 с.
2. *Белов И.* Перевести Галчинского // Пашня. Сентябрь 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://cws.media/konstanty-ildefons-galchinskij-perevody-masterskoj-hudozhestvenyj-perevod-s-polskogo-yazyka/ (дата обращения: 31.07.2026).
3. *Белов И.* Трудности перевода. Как я переводил польскую поэзию и учился искусству быть другим // Culture.pl. 29.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://culture.pl/ru/article/trudnosti-perevoda-kak-ya-perevodil-polskuyu-poeziyu-i-uchilsya-iskusstvu-byt-drugim (дата обращения: 01.08.2026).
4. *Гаспаров М.Л.* Метр и смысл. М., 2012. 416 с.
5. *Гордин Я.* Трагедийность мировосприятия // Полухина В. Бродский глазами современников. Сб-к интервью. СПб.: Журнал «Звезда», 1997. С. 55–73.
6. *Зимина Е.В.* Особенности перевода современной польской поэзии // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С. 211–213.
7. *Самойлов Д.* Константы Ильдефонс Галчинский // Константы Ильдефонс Галчинский. Стихи. Пер. с польского. М.: Издательство «Художественная литература», 1967. С. 3–24.
8. *Тувим Ю.* Четверостишие в работе / Пер. А. Эппеля // Польская литература. Журнал Польского института литературы. 03.01.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://polskayaliteratura.pl/chitalniy-zal/statya/chetverostishie-v-rabote (дата обращения: 26.08.2026).

REFERENCES

1. Azov A.G. *Poverzhennye bukvalisty: Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v* 1920–1960-*e gody* [Defeated Literalists: From the History of Literary Translation in the USSR in the 1920s and 1960s]. Moscow, HSE Publ., 2013. 304 p. (In Russ.)
2. Belov I. Perevesti Galchinskogo [To Translate Gałczyński]. *Pashnya*. September 2024 [Electronic Source]. URL: https://cws.media/konstanty-ildefons-galchinskij-perevody-masterskoj-hudozhestvenyj-perevod-s-polskogo-yazyka/ (accessed: 31.07.2026). (In Russ.)
3. Belov I. Trudnosti perevoda. Kak ya perevodil pol`skuyu poe`ziyu i uchilsya iskusstvu by`t` drugim [Translation Difficulties. How I Translated Polish Poetry and Learned the Art of Being Someone Else]. *Culture.pl*. 29.09.2020 [Electronic Source]. URL: https://culture.pl/ru/article/trudnosti-perevoda-kak-ya-perevodil-polskuyu-poeziyu-i-uchilsya-iskusstvu-byt-drugim (accessed: 01.08.2026). (In Russ.)
4. Gasparov M.L. *Metr i smysl* [Meter and Meaning]. Moscow, Fortuna EL Publ., 2012. 416 p. (In Russ.)
5. Gordin Ya. Tragedijnost` mirovospriyatiya [Tragic Worldview]. Polukhina V. *Brodskij glazami sovremennikov* [Brodsky in the Eyes of His Contemporaries]. Collection of interviews. St. Petersburg, Zhurnal "Zvezda" Publ., 1997, pp. 55–73. (In Russ.)
6. Samojlov D. Konstanty` Il`defons Galchinskij [Konstanty Ildefons Gałczyński]. *Konstanty` Il`defons Galchinskij. Stikhi. Perevod s pol`skogo* [Konstanty Ildefons Gałczyński. Poems. Translated from Polish]. Moscow, Izdatel`stvo "Khudozhestvennaya literatura", 1967, pp. 3–24. (In Russ.)
7. Tuvim Yu. Chetverostishie v rabote [The Quatrain in Progress], trans. by A. Eppel. *Polskaya literatura. Zhurnal Polskogo instituta literatury* [Polish Literature. Journal of the Polish Institute of Literature]. URL: https://polskayaliteratura.pl/chitalniy-zal/statya/chetverostishie-v-rabote (accessed: 26.08.2026). (In Russ.)
8. Zimina E.V. Osobennosti perevoda sovremennoj pol`skoj poe`zii [Specifics of translating Contemporary Polish Poetry]. *Vestnik of Kostroma State University*, 2016, no. 5, pp. 211–213. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.08.2026
Отредактирована 15.09.2026
Принята к публикации 26.08.2026

Received 01.08.2026
Revised 15.09.2026
Accepted 26.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Александровна Пирусская — к.ф.н., старший научный сотрудник отдела научной эдиции ИМЛИ РАН; tapirus@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Pirusskaya — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; tapirus@inbox.ru